

СОДЕРЖАНИЕ

Шестерка.....	7
Начало.....	13
Комплекс.....	28
I. ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ.....	29
II. ГЕДОНИЗМ.....	133
III. СТОИЦИЗМ.....	203
IV. НИГИЛИЗМ.....	257
V. РАЦИОНАЛИЗМ.....	307
VI. ДЕТЕРМИНИЗМ.....	389
VII. РЕЛЯТИВИЗМ.....	453
VIII. НАТУРАЛИЗМ.....	525
IX. ЖИЗНЬ.....	577
КОНЕЦ.....	625
Благодарности.....	629
Выражаю признательность.....	632
Литература по теме.....	637

*Посвящается Гарретту, моей музе.
Без тебя не было бы ничего из этого.*

НАЧАЛО

Атлас Блэйкли родился, когда земля умирала. Это факт.

Факт — то, что впервые он по-настоящему понял боль.

Факт — то, что Атлас Блэйкли создал оружие и хранил секреты.

И то, что Атлас Блэйкли охотно рискнет теми, чья жизнь вверена его заботам, предаст всякого, кто по глупости или из отчаяния положился на него, — тоже факт.

Атлас Блэйкли — живая коллекция шрамов и пороков, лжец по призванию и по крови. Прирожденный злодей.

Однако самое главное: Атлас Блэйкли — всего лишь человек.

* * *

Его история начинается как и ваша, правда, тогда это был совсем другой человек: ни твида, ни щегольского костюма с иголки, ни елейного тона. Однако ему тоже пришло приглашение. В конце концов, Александрийское общество звало всех, даже Атласа.

И вас.

В ту пору Атлас жил с матерью в обветшалой конуре. Приглашение лежало на полу, брошенное возле мусорного ведра, в липкой луже чего-то паршивого. Ведро — вместе со всем содержимым — этот памятник порокам обычного четверга — влачило жалкое существование в метре от прожженного пятна на линолеуме, под сенью покосившегося штабеля из Ницше, де

Бовуар и Декарта. Старые газеты, коробочки от еды навывнос и заплесневелые клубеньки репы — все это убегающим тестом спешило выбраться наружу, приобщиться к нетронутым стопкам литературных журналов, недочитанным томикам поэзии, опасно приближаясь к фарфоровой вазе, набитой аккуратными салфеточными лебедями. В таком окружении легко было проглядеть прямоугольник дорогушей бумаги цвета слоновой кости.

Легко, да не каждому.

Двадцатитрехлетний Атлас Блэйкли подобрал приглашение, когда пришел домой в перерыве между сменами в местном пабе. До изматывающей халтуры пришлось опуститься, несмотря на научную степень, нет, даже две (с перспективой третьей). Он прочитал свое имя, выведенное изящным каллиграфическим почерком, и решил, что карточку занесло сюда на крыльях спиртного. Матери оставалось спать еще несколько часов, поэтому он молча сунул приглашение в карман, встал и взглянул на фото отца (или кем там приходился ему тип, чей портрет собирал пыль на книжной полке). Впрочем, вопросов — ни о нем, ни о карточке — Атлас задавать не думал.

Если не вдаваться в подробности, то, увидев приглашение, он испытал дурноту. И медитам, и академикам он был своим. К первым относился с рождения, во вторые выбился благодаря уму и старанию, однако не доверял ни тем, ни другим. Вообще, карточку он собирался выбросить, однако, покрытая липким слоем джина и чего-то вроде тамариндового чатни, который мать заказывала по телефону в ближайшем азиатском магазине («Его запах напоминает мне па», — будучи в здравом уме, часто говорила она), бумажка быстро и прочно прилипла к изнанке кармана.

Своего Хранителя, Уильяма Астора Хантингтона, Атлас потом обвинит в излишней, в ущерб чужим рассудку и времени, увлеченности ребусами. Тем же вечером, слепо теребя карточку в кармане — а до того вышвырнув из паба клиента, у которого,

как это часто случается, доля виски превысила долю мозгов, — Атлас сообразил, что чары, вплетенные в приглашение, это шифр. При обычных обстоятельствах ему хватило бы того же рассудка не тратить то же самое время на поиск отгадок, но он всего день как потерпел болезненную неудачу в делах сердечных. Впрочем, сердечных ли? В тех отношениях он главным образом думал членом. Позднее Атлас Блэйкли придет к мнению, что Хантингтон — нарцисс и, составляя загадки, страдает херней. Большинство рекрутов принимало приглашение спустя каких-то пять минут уговоров.

Однако Атласу еще предстояло прийти к этому мнению, а тогда он испытывал сердечные муки и ненавидел работу. В широком смысле — просто скучал. Со временем он поймет, что скучает большинство людей, особенно те, кого рассматривают в кандидаты на место в Обществе. Такая вот небольшая и умеренная несправедливость: многим из тех, кто видит цель, не хватает таланта прийти к ней. Те же, кто талантом наделен, цель видят редко. Странная ирония, от которой никуда не деться. (Атлас Блэйкли по опыту знал, что самый верный способ разрушить кому-то жизнь — дать ему желаемое и отойти в сторону, не мешать.)

Шифр привел в туалет часовни шестнадцатого века, оттуда — на крышу новехонького небоскреба и дальше — на овечье пастбище. В конце концов Атлас оказался в городском штабе Александрийского общества, старой версии того места, в котором он позднее примет шестерку собственных рекрутов. Он лишь потом выяснит, что реновация — подарок человека, даже не состоящего в Обществе, не проходившего посвящение и, вероятно, в жизни никого не убившего. Очень любезно с его стороны. Вероятно, сон его был крепок и здоров, но суть, очевидно, не в этом.

В чем же тогда она, эта суть? В том, что в конце 1970-х один гений, доктор Блэйкли, завел интрижку с первокурсницей, и она понесла. В том, что не у всех крепкое душевное здоровье. В том,

что шизофрения — это дар, пока не мешает, пока не расцветет и не созреет; пока не взглянешь на младенца, из-за которого жизнь пошла под откос, и не поймешь: ради него ты не колеблясь отдал бы эту самую жизнь, и вместе с тем — по собственной воле или же нет — ты, вероятно, и так умрешь из-за него. Суть в том, что эту связь никто не осудит, ведь, если подумать, все случилось по обоюдному согласию. В том, что остается гадать, как сложились бы обстоятельства, надень студентка другую юбку или взгляни она на профессора как-то иначе. В том, что на кону карьера, доход, семья! В том, что уже в три года Атлас Блэйкли услышит голоса в голове матери, заметит, как раздвоилось ее существо, как ее гений в определенный момент где-то расщепился, пустив веточку чего-то темного и непонятного.

Суть в том, что презерватив, если его вообще надевали, порвался.

Суть в том, что в этой истории нет злодеев или же героев.

Суть в том, что Атласу Блэйкли предлагают силу, и он отвечает решительным «да».

* * *

Позднее он выясняет, что другой член его группы, Эзра Фаулер, обнаружил зашифрованное приглашение на подошве ботинка. Эзра ни хера не знал, как оно туда попало, да и вообще подумывал выбросить, ведь ему было все равно. Однако дел других не нашлось, вот он и пришел на встречу.

Айви Бретон, выпускница НУМИ, прожившая год в Мадриде, свое приглашение нашла внутри антикварного кукольного домика, на реплике стула королевы Анны, который ее двоюродная бабка в порядке хобби собственноручно залачила.

Фоладе Илори, этническая нигерийка, получившая образование в Медитском университете, свою карточку увидела на крылышке колибри, прогуливаясь по виноградникам дядиного поместья.

Алексис Лай из Гонконга, окончившая Государственный магический университет Сингапура, отрыла приглашение на раскопках, как она со своей командой считала, португальского неолита. Оно аккуратно было пришпилено к костям человека. Кстати, это был не португальский неолит, но то уже загадка для другого времени.

Нил Мишра, еще один британец (правда, индийского происхождения), свой ребус заметил в телескоп: тот был буквально выложен звездами.

Так Атлас с его ведрами и Эзра с его ботинками встретились. Им суждено было заглянуть друг другу в глаза и осознать масштаб провидения, а после выкурить по этому случаю травки.

После смерти Алексис Атлас приходит к мысли типа «Хули я сижу сложа руки?» (сформулированной менее бодро) и выясняет, по каким именно принципам отбирают будущих рекрутов. Это происходит после того, как он узнает о существовании Далтона Элери, но прежде, чем Хранитель Хантингтон «внезапно» подает в отставку. Да просто Общество способно отслеживать магический выхлоп любого человека. Вот так вот. Это их основной критерий, и он... примитивен. До обидного безыскусен. Находят мага, выдающего офигенное излучение, проверяют, не велика ли цена за его дар, и если нет, то говорят: «Эгей, нам пригодится!» Грубо и примерно, зато смысл понятен.

Это краткая версия истории. Полная вам не нужна, ведь вы в курсе, кто такой Атлас, и примерно представляете, что с ним творится. Вы знаете: конец у этой истории не счастливый, и вообще он предсказан, а значит, Атлас его тоже видит. Он не дурак. Как ни крути, ему крышка.

Суть в том, что Эзра обладает самой что ни на есть магической магией. Как, впрочем, и любой, кто проходит в эти двери, просто если оценивать дар по шкале чистого выхлопа, то Эзра даст фору любому.

— Я открываю червоточины, — признается он как-то вечером, болтая за косячком. Куда дальше он описывает событие,

которое привело к пробуждению в нем этой способности, то есть убийство матери, которое назовут преступлением на почве ненависти. Как будто борьба с отдельно взятыми симптомами поможет найти лекарство от вируса. — Небольшие, но рабочие.

— Насколько небольшие? — спрашивает Атлас.

— Величиной с меня.

— О, а я-то думал, надо ужаться в размерах, — выдыхает Атлас. — Ну, типа как в «Алисе» или вроде того.

— Нет, — говорит Эзра, — размер у них обычный. Если что-то связанное с червоточиной можно назвать обычным.

— С чего ты взял, что это червоточины?

— Если это не червоточины, то я не знаю, что это.

— Круто, че. — Под кайфом беседа шла как по маслу. С другой стороны, под кайфом Атласу любой разговор давался легко. Кому попало такое не объяснишь, но дело в том, что, когда слышишь мысли в голове человека, отношения с ним выстраивать раз так в сто-пятьсот тяжелее. Атлас ведь параноик. Уже с детства проявлял осторожность: тщательно скрывал свое происхождение, раны, где живет, почему недоедает и как умело подделывает подпись матери. Он был осмотрителен, очень тих, ненавязчив, но... не слишком ли скрытен? Не подозрительно ли это? Может, поговорить с его родителями? Нет-нет, он золото, а не ученик, всегда готов помочь, просто застенчив, наверное, но не слишком ли он мил? Нормально быть таким очаровашкой в пять лет? А в шесть? В семь, восемь, девять? Для своего возраста он слишком прилично ведет себя, как-то зрело и очень общительно, не истерит, не повод ли это задуматься... Может, стоит проверить... Ах, нет, торопимся, вот и бунтарская жилка пробилась как нарочно, хоть какой-то изъян, слава богу.

Слава богу, он все-таки нормальный ребенок.

— Что-что? — переспрашивает Атлас, сообразив, что Эзра еще не окончил рассказ.

— Я еще никому этого не рассказывал. Про двери. — Он стоит у книжного шкафа в раскрашенной комнате. В будущем Атлас оставит на полках все по-старому.

— Двери? — машинально повторяет Атлас.

— Это я их так называю, — говорит Эзра.

Вообще-то в дверях Атлас разбирается. Знает, какие нельзя открывать, ведь они заперты не случайно.

— Куда ведут твои двери?

— В прошлое. В будущее, — говорит Эзра, ковыряя заусенец на ногте. — Куда захочу.

— Можешь прихватить с собой кого-то еще? — спрашивает Атлас, а сам думает: «Мне просто интересно, интересно знать, что там дальше. (Понесет ли он в конце концов наказание? Поправится ли она вообще?) Мне просто хочется знать». Однако он и сам понимает, что хочет этого слишком сильно, и потому не смеет спрашивать вслух. В мозгу у Эзры загорается тревожная лампочка, но видит это только Атлас. — Мне просто любопытно, — уточняет он, выпустив кольцо дыма. — Ни разу еще не слышал, чтобы кто-то создавал собственные, мать их так, червоточины.

Тишина.

— А ты читаешь мысли, — спустя какое-то время отвечает Эзра. Он словно бы делится наблюдением и вместе с тем обвиняет.

Атлас даже не думает соглашаться, ведь технически все не совсем так. Чтение — элементарный процесс, а умы, как правило, нечитаемы. Нет, с умами он проделывает нечто иное, нечто куда более сложное. Вторгается в них куда глубже, чем люди способны принять. Из соображений собственной безопасности детали Атлас опускает, но уж если ему надо кому-то понравиться, он понравится, ведь близкое знакомство с Атласом Блэйкли — это как устранение багов в твоём личном коде. Толькопусти его.

Однажды, через годы после того, как Нил умер несколько раз, а Фоладе — всего дважды, когда они прикидывают, не

оставить ли Айви в могиле, лишь бы унять архивы, Алексис признается, что ей нравится это, чтение мыслей. Она не только не против, но даже считает телепатию идеальным вариантом. Они с Атласом могут днями не общаться. Говорить она, кстати, не любит. Мол, детям, которые видят мертвых, говорить не нравится. Это фишка такая, заверяет она Атласа. Он спрашивает, нет ли каких-то там групп поддержки, ну, для детей, которые видят мертвых, ведь они, вообще-то, становятся очень, очень молчаливыми взрослыми, и Алексис в ответ смеется, бросая в него мыльной пеной из ванны. «Хватит болтать», — велит она и протягивает руку. Он говорит: «Ладно», — и проникает к ней в голову.

— На что это похоже? — спрашивает Эзра.

Атлас выдувает идеальное колечко дыма и глупо лыбится, потому что реально упорот. А где-то там, далеко, его мать впервые делает то, о чем он не знает. Он ее не проведал. И не планирует. Когда-нибудь навестит, ведь таков порядок вещей, и прибор всегда возвращается.

— Ты о чем? О чтении мыслей?

— О том, когда знаешь, что говорить, — уточняет Эзра.

— Хреново.

Интуитивно оба все понимают. Читать мысли того, кого ты не в силах изменить, так же бесполезно, как переноситься во времени в будущее, которое не переписать.

* * *

Мораль такова: бойся того, кто выходит к тебе безоружным. Есть и другая: бойся моментов, когда двое мужчин, потерявших матерей, делятся сокровенным. Что бы Атлас и Эзра ни задумывали, это станет фундаментом для будущего зла. Полем, на котором пожнут бурю. Называйте это истоком, суперпозицией. Вторым шансом в игре под названием «жизнь», новым стартом в направлении смерти, ведь существование, по большому счету, пусто.